

ЛАРА Шпильберг

**РАСТУТ ЛИ
ДЕТИ
КАК
ТРАВА?**

Материалы сайта
"Детская Комната"

Лара Шпильберг

**Растут ли дети как
трава? Материалы сайта
«Детская комната»**

«Издательские решения»

Шпильберг Л.

Растут ли дети как трава? Материалы сайта «Детская комната» /
Л. Шпильберг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905499-9

В книге собраны материалы популярного авторского сайта о воспитании и обучении, адресованные «разумным, веселым и ленивым взрослым».

ISBN 978-5-44-905499-9

© Шпильберг Л.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
I: ДВАЖДЫ ДВА	8
Растут ли дети как трава?	8
Умные дети – это какие?	8
А где ж она, наша мастерская?	9
Хорошо забытое старое?	10
Расскажите нам, когда мы – умные родители?	11
Что мы упустили и недоделали?	17
Почему я не хочу консультировать?	18
Микропоражения мозга и учебные трудности	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Растут ли дети как трава? Материалы сайта «Детская комната»

Лара Шпильберг

Дизайнер обложки Ксения Эдуардовна Бугаевская

© Лара Шпильберг, 2018

© Ксения Эдуардовна Бугаевская, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-5499-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Меня зовут Лара Шпильберг, в интернете существую с 2002 года под именем Птички Феникс (**ptfenix**). По исходному образованию я дефектолог, впоследствии много лет занималась профессионально психологией обучения, в том числе коррекцией и развитием детей с проблемами.

Еще позже жизнь заставила применить свои профессиональные умения к собственному ребенку.

Я родилась в Питере в 1965 году. Окончила дефектологический факультет пединститута, отделение сурдопедагогики, работала учителем-реабилитатором в школе для слабослышащих.

Репатрировалась в Израиль в 1990 году. Окончила годичный курс школьных психологов при Международном центре по Развитию Учебного Потенциала (ICELP) в Иерусалиме в 1991 году. Работала в этом центре научным сотрудником, диагностом и супервизором коррекционных программ на протяжении 5 лет, до 1996 года (диплом супервизора получила в 1994 году). В 1993 году в рамках международного обмена вела двухнедельный семинар по динамической диагностике в Институте Коррекционной педагогики в Москве. Имею около 20 печатных работ в этой области.

С 1999 года – программист (приложения с базами данных). Живу в городе Модиин. Муж программист. Двое детей.

Моя старшая дочь (Алиса, Гуня далее в тексте) родилась в 1989 году, репатрировалась в Израиль в возрасте семи месяцев. Билингв. Отличный багрут (израильский «аттестат зрелости»), отслужила в электронной разведке, первая степень Тель-авивского университета (биофак, исследования мозга), вторая степень – четырехлетняя программа подготовки врачей университета Бар Илан. Врач-интерн в больнице Асаф-Ха-Рофе¹.

Моя младшая дочь (Маргалит, Гоша) родилась в 2001 году, на 26 неделе беременности с весом 770 грамм. Искусственная вентиляция около двух месяцев. Перенесла два сепсиса, двустороннее кровоизлияние в мозг 4—2, ретинопатию новорожденных 3—4 (операция лазерная на оба глаза), судороги, в результате остановки кровотока в левой руке на 11 день жизни потеряла пальцы на левой руке.

Прогноз в больнице: тяжелая инвалидность.

Впоследствии диагностирована диплегия нижних конечностей (небольшая спастика), средней-тяжелой степени тугоухость на левое ухо и легкая (сложный частотный дефект) на правое, задержка речевого развития. Проблемы поведения, трудности концентрации.

Ползать училась с физиотерапевтом. Пошла в 2 года. Побежала и запрыгала после 3 лет. Речь развилась спонтанно. Слуховой аппарат, очки.

Пошла в обычную школу с опозданием в год (7 лет). Сейчас в 10 классе (*йуд*), выбранное направление – биология и компьютеры, математика высокой категории сложности (*5 яхидот*). Гуманитарные идеальные, программирование идет хорошо, а с математикой она «борется» с переменным успехом. Но вообще, хороший ребенок.

Если на старшей дочке я в основном проводила нечеловеколюбивые испытания тогдашних экспериментальных методик, то с младшей мне пришлось вспомнить и реализовать абсолютно все, что я умела когда-то делать с чужими детьми. Я так понимаю, именно этот опыт, а вовсе не былой профессиональный путь, более всего придает авторитетность моим сужде-

¹ Третья по величине больница в израильской государственной системе здравоохранения. Центр находится на территории Беэр-Яакова и назван в честь Асафа бен Берехии (более известного как Асаф ха-Рофе – Асаф-врач) – автора древнейшего известного медицинского трактата на иврите.

ниям на тему – в глазах большинства. Я не уверена, что это правильно. Но людей убеждает конкретный пример, а он всю украшает природу.

В книге собраны избранные тексты сайта «Детская комната», на котором я несколько лет публиковала методические материалы и размышлизмы в рамках «детско-родительско-образовательной» темы, в самых разных форматах, от книг и статей до игр и сказок.

Здесь вы найдете моё субъективное мнение по довольно серьёзным поводам, профессиональный взгляд на тему, усугублённый опытом моего личного родительства.

I: ДВАЖДЫ ДВА И ДРУГИЕ ЗВЕРИ

Растут ли дети как трава? Почему у умных родителей получаются умные дети? Почему у умных родителей НЕ получаются умные дети? А также: Почему из умных людей получаются глупые родители?

Многие счастливые родители умных и успешных детей машут рукой, когда их спрашивают, что же они такое делали и как им это удалось. «*Да вы что?!*» – смеются они, – «*Заниматься??? Да никогда!!! Как трава росли!!! Мы работаем так, что их почти не видим... Сами, все сами... И откуда что берется?!*»

Будем откровенны: и по сей день многочисленные примеры такого рода являются самым весомым, просто-таки неубиенным аргументом, склоняющим вечно качающиеся весы в сторону чашки «*пусть уж как-нибудь само, видно, с генами не поспоришь*». Ага. И с чебурашками. Ну, это мой саркастический комментарий, для него еще не время. Я предлагаю рассмотреть внимательнее привычные понятия, которыми мы оперируем в вышеприведенном эпизоде:

- умный ребенок
- заниматься (а также *не* заниматься)
- расти как трава

Может быть, тогда нам откроется что-нибудь эдакое... садоводческое?

Умные дети – это какие?

Если собрать группу интеллигентных родителей, посадить за семинарский стол (я тут это проделала не так давно), и задать такой вопрос, даже дискуссии никакой не получится. Народ тут же дисциплинированно скажет, что **умный ребенок – это ребенок, который умеет самостоятельно учиться**. Несколько десятилетий назад до этой мысли родители бы дошли с трудом и под нажимом. Тогда царили представления об уме как о хранилище информации. Помните словечко такое было: «эрудиция»? В нынешнем мире, с его легкодоступными и неисчерпаемыми сетевыми источниками, знания как таковые, – как склад информации, – девальвировались до состояния ниже плинтуса.

Интеллигентные родители это вроде бы понимают. Вот, если их спросить, так и скажут: умный ребенок – это который умеет учиться. Я же пробовала! Так и сказали. Родителей в последние десятилетия получилось воспитать в этом духе: если *спросить*, они ответят правильно. Но это верхний слой, если вглубь не копать. Проблема в том, что более глубоко залегающие представления о реальности сдвигаются с гораздо большим трудом.

Очень смешно наблюдать за некоторыми родителями. Когда они говорят *о ребенке*, – каким они хотели бы его видеть? – они декларируют, что, мол, главное – умение и желание самостоятельно приобретать необходимые знания, неважно, какие именно. Но вот заходит речь *о самих родителях*, – как они себя видят в этой роли? – и тут же начинается битие себя в грудь с покаянным текстом: «*Мне некогда, я не умею, я с ним ничем не занимаюсь*». Стереотипы родительской самооценки: принято напихивать в ребенка **содержание**. Если мы

не напихиваем в ребенка правильное содержание, мы считаем, что не занимаемся с ним, и он *растет как трава*. Тогда как *главное* в ребенка запихнуть вообще нельзя. *Главное* ребенок питывает сам. Если ему дают, откуда впитать.

Постараюсь получше объяснить, о чем я. Давайте обратимся к простейшей аналогии. Будем считать, что интеллект – а мы, вроде бы уже выяснили, что это-таки процесс, а не результат, некое *умение*, – это ремесло краснодеревщика. Культура и информация – продукты человеческого интеллекта – собраны в такой... антикварной лавке. Глаза разбегаются от великолепия. Допустим, Вы – продавец-консультант этой лавки. Ваш ребенок растет среди антикварной мебели. Знает каждую вещь: историю создания, автора, стиль, назначение... Умеет восхищаться. Умеет оценивать. Понимает, что имеет смысл приобрести...

Внимание, вопрос: научится ли Ваш ребенок **делать** эту мебель?

И не логичнее ли предположить, что умение создавать вещи скорее приобретет чумазый сынишка столяра-краснодеревщика, проводящий детство рядом с папиным станком **в мастерской???**

А где ж она, наша мастерская?

Вот он, ключевой вопрос. Ужас ситуации заключается в том, что многие... ммм... родители-краснодеревщики, настоящие мастера, детей в мастерскую не пускают. Дети имеют дело только с готовой продукцией. Лозунгом такого положения дел смело можно считать родительское восклицание:

«Неужели ты не понимаешь\не знаешь\не можешь это сделать???
НО ВЕДЬ ТУТ ЖЕ ВСЕ ОЧЕВИДНО!!!»

То ли это – результат простого родительского недомыслия, то ли попытка самоутверждения... То ли родители в самом деле настолько чужды рефлексии, что **не замечают** собственных интеллектуальных усилий, если речь идет о задачах достаточно простых...

Если же речь идет о задачах сложных, то очень часто родители практически сознательно скрывают от ребенка процесс собственного мышления. Им, видимо, кажется, что для поддержания авторитета любое сомнение губительно. В результате, ребенок растет с убеждением, что решение любой задачи известно взрослому заранее, **как информация**. Он не видит, какие действия взрослого привели его к решению. Мы не пускаем его *в мастерскую*. А детям это необходимо. Мир меняется быстро, дети редко достаточно похожи на нас, чтобы интересоваться именно тем, чем интересуемся мы. В большинстве случаев, детям не так уж важно, **что** мы знаем. Им важно, **как** мы это знаем. Каким образом мы думаем. При помощи чего решаем задачи. Какие ошибки делаем, как их распознаем и устраняем.

Да, я знаю: последует множество возражений от родителей, видящих цели своего воспитания именно в передаче именно содержимого именно своей головы. Многих родителей реально пугает, что их родной ребенок не прочтет и не освоит всего того, что составляет их родительский «культурный багаж». Я все понимаю, но в качестве противовеса встану в данном случае на крайнюю позицию с противоположной стороны – **инструментальную**: мне, как профессионалу, свойственно принижать значения содержания в сравнении со **способами умственной деятельности**. Багаж у всех разный, он варьирует от страны к стране, от семьи к семье, меняется от поколения к поколению, я в этом трагедии не вижу. А вот **инструменты** – они у всех одинаковые, и всем всегда необходимы. Это мой подход, и он, применяемый осознанно, дает весьма хорошие результаты. Именно в таком подходе я вижу ключ к воспитанию умного ребенка: **в его включении, как соучастника или, как минимум, как свидетеля, в интеллектуальную деятельность других членов семьи.**

Хорошо забытое старое?

Мой муж, физик по образованию, сказал мне: ты ломишься в открытую дверь. Любая научная школа основывается именно на этом: чтобы ученики усваивали, *каким образом* думает учитель. Не *что* он думает, а *как*... Только так, сказал мой муж, передается то, что делает человека ученым.

Я в таких высоких сферах не летаю. Зато на наших низких уровнях все очевиднее. Однажды я вела практику у двух эфиопских учителей, получающих израильский сертификат. Один из них был юным сыночком аддис-абесского университетского профессора. Он был очень умен, даже, я бы сказала, где-то блестящ. Впоследствии он был приглашен работать к нам в отдел, и, просидев с ним два года в одном кабинете, я знаю, о чем говорю. Второй был значительно старше, из глубинки, старателен и дотошен. Мягко сказать, туповат. То есть, туповат в той степени, что мы колебались, принимая его на курс. Каждый из этих ребят получил группу из шести эфиопских же детей среднего школьного возраста (лет 9—11); и занимался с ними математикой в рамках школьной программы третьего класса.

Эта математика, которую наш университетский сынок мог решать во сне и под наркозом левой ногой, у старшего товарища вызывала вполне реальные затруднения. То есть, ему, как и его ученикам, тут было над чем поработать и подумать. А вот результаты в его группе были лучше! Хотя исходно группы были примерно одинаковые, – и между собой, и уровень участников почти не различался, – группа нашего юного гения очень быстро стала неравномерной: один из учеников резко рванул вперед, а остальные пятеро не продвинулись ни на шаг. Ученики же старшего улучшались медленно, но верно, все шестеро, и месяца через три показали на тестах замечательный прогресс. Меня уже в процессе заинтересовал этот феномен, так что я видела, в чем было дело.

Юный гений «блистал». Так часто ведут себя талантливые учителя и яркие родители, вынужденные объяснять, с их точки зрения, «элементарные вещи». За его скоростью и глубиной успевал один из шестерых. Остальные просто не успевали понять, что происходит. **Его очевидность не была для них очевидной.**

Старший же и не думал скрывать от учеников, что сам затрудняется в решении ряда задач. Он садился и подробно, даже занудно рассказывал, как собирается действовать. Подробно расписывал и разжевывал каждый свой шаг. Искал ошибки вместе с детьми. Находил, исправлял. И двигался дальше, подробнейшим образом обсуждая вслух все нюансы интеллектуального процесса...

То, что работает для ученых-физиков, и работает для педагогически запущенных эфиопских детей, – работает со всеми, господа. И совсем уж хорошо работает *вне* учебной обстановки: когда детки наши не сидят, насторожив ушки, в ожидании, что вот сейчас их начнут интенсивно учить, а просто с удовольствием решают совершенно практическую задачу. Уже как совершенная крамола: почему-то считается, что ребенок нуждается в *систематических* занятиях. Ничего подобного. Постоянно заниматься надо тогда, когда вы уже что-то чините: проблемы обучения, проблемы речи, и тому подобное.

Если у ребенка нет проблем, просто *откройте* для него собственные мыслительные процессы. Скорее всего, он научится сам, причем переймет от вас даже такие вещи, о которых вы практически не задумываетесь... Вовсе не только, я бы даже сказала, не столько «*детонаправленная*» деятельность развивает ребенка. В положении «впитывающего» – если нет противопоказаний (проблемы слуха, аутизм) – ребенок получает от нас куда больше! Важно научиться **не прятать, а выявлять собственную интеллектуальную работу.**

А у нас она есть? В свободное от работы время-то? В кругу семьи-то??

А как же.

Расскажите нам, когда мы – умные родители?

Вот как минимум четыре ситуации (в порядке *нарастания полезности* для ребенка).

1. Разговоры взрослых между собой о работе.

Особенно здорово, если родителей объединяет общая профессия. Но если нет – пойдет и бабушка, и дядя Слава, и даже бурное телефонное обсуждение с невидимым собеседником, хотя это и хуже, потому что слышно только одну сторону.

- Что-то я уже вторую неделю слышу, как ты мучаешься с этим вычислением коэффициента *синей кукарямбы*.
- Неудивительно... Это ядро всего проекта. А у меня пока нет впечатления, что я понял, как это решать. Есть три варианта, но все подозрительны.
- Чем подозрительны?
- Наверняка будут проблемы на стадии интеграции. Ну не лепят такие разные аппликации в одну кучу!!! Я профессионал или кто, в конце концов???
- Так что, тупик?
- Н-ну, есть еще одна мысль... Но это новая технология, и надо еще проверить, как она впишется в систему... Я ее совсем не знаю, придется копаться-изучать...

Что слышит ребенок в таком разговоре? Мы почему-то считаем, что если товарищ не дорос до понятия *синей кукарямбы*, не знает, что такое «коэффициент» и «стадия интеграции», то для него этот диалог не несет никакого смысла совсем.

Между тем, преподавателям иностранного языка, например, давно известно, что смысл может быть уловлен практически безошибочно из текста, в котором *не более 30% незнакомых слов*. Приведенный фрагмент превосходно вписывается в это условие, если только понимать, **какой смысл** он несет для ребенка:

- Большая задача состоит из ряда подзадач, и в начале пути неизвестно, как их решать.
- Иерархизация задач: они бывают более и менее важные, а некоторые из них – центральные, от которых зависит все остальное.
- Центральные задачи нужно уметь вычленивать, и начать с них.
- Сомнения нормальны, более того, они суть обязательная составляющая профессиональной деятельности. В разрешении этих сомнений и состоит работа.
- Необходимые качества профессионала: умение предвидеть проблемы, осторожность, умение учиться, способность пробиваться...

...и далее до бесконечности. Вы понимаете, что совершенно не важно, на каком материале все это впитывается. Пусть это будет разговор двух врачей о постановке диагноза, или разговор двух завучей о разумной организации расписания. Если ребенок регулярно слышит подобные разговоры, он «впитывает» правила интеллектуальной работы совершенно автоматически: они становятся для него настолько же естественны, как слова родного языка или формулы вежливости.

2. Рассказы родителей о работе.

То есть, адаптированный вариант предыдущего пункта, направленный уже непосредственно на ребенка.

К сожалению, это полезнее только в том случае, если рассказчик рассказывает правильно. А не типа того:

– Доча, мама на работе у себя важный начальник... Главный... У меня.. у нее... большой кабинет... Много людей ее слушается... Мама очень устает... Принеси тапочки.

Даже очень маленькому ребенку можно рассказать иначе:

– Я учу студентов. Студентами становятся умные детки, после того, как хорошо закончат школу. Некоторые из них, те, которые хотят лечить людей, приходят учиться ко мне. Конечно, я не одна их учу. Со мной работают много-много учителей и врачей. Разным вещам учат разные люди. То, чему учу я сама, – это детские болезни, то, чем болеют маленькие детки, как ты. Но я сейчас отвечаю не только за это, но и за всю нашу школу, я ее начальник.

Сегодня я пришла попозже, потому что нужно было решить трудную задачу. От нас ушел учитель по генетике. Генетика... это наука про то, почему дети похожи на своих родителей... Некоторые болезни тоже передаются детям от родителей, поэтому врач должен изучать генетику. Так вот, учитель по генетике от нас ушел, а тот, который пришел на его место, не может учить студентов в понедельник. У нас было такое расписание, а теперь оно не годится. Нам нужно было найти ему другое время, когда он мог бы учить наших студентов. Для этого нужно было посмотреть много-много расписаний, студентов и учителей. Мы искали, как можно изменить расписание.

– Мам... нашли?

– Да. Мы договорились с учительницей анатомии... Анатомия – это наука про то, где в нашем теле что находится: где сердце, где желудок, где мозг... Вот... Учительница анатомии теперь будет учить студентов по понедельникам, а новый учитель генетики – вместо нее по четвергам.

Многие родители сейчас пожали плечами: ну, и зачем вся эта ерунда ребенку? Разве что рассказать, что такое анатомия и генетика, да и то на бегу, так коротко, что он и не запомнит...

Так, да не так.

Ребенок – совсем маленький еще ребенок в данном примере! – воспринимает:

– Знание содержит много составляющих. Важная и сложная профессия требует знать многие вещи.

– Один человек не может знать все очень хорошо. Знания «делятся» между специалистами, и каждый из них приносит ученикам что-то свое.

– Чтобы хорошо выполнять работу, нужно уметь ее организовать. Организация работы – это отдельное умение, отдельный навык. Хотя в нем нет *содержания*, но он необходим.

Для маленького ребенка все эти вещи внове. Вы не можете ему сказать это **словами**, так, как я резюмировала, – он не поймет в таком виде. Но инициировать понимание всего этого все же можно, если хотя бы адаптированно, рассказывать ребенку о своих рабочих буднях.

3. Решение взрослыми (лучше – более чем одним взрослым, потому что тогда они в процессе коммуницируют на тему) **реальной и более-менее понятной ребенку задачи у него на глазах.**

У него на глазах – это значит, что ребенок видит и слышит все этапы деятельности: постановка проблемы, планирование, варианты стратегий, исправление ошибок...

Вообще, это редкий и очень полезный зверь. Я считаю, что это одна из причин, почему путешествия с родителями всегда дают толчок развитию: ребенок видит поведение взрослых в незнакомой обстановке. Скажем, определение и прокладывание маршрута на день: определение пунктов назначения, приоритетов, прикидка времени, денег, сверка качества дорог по картам, учет необходимых остановок, использование косвенной информации...

Обязательно настает момент, когда ребенок, привыкший быть свидетелем таких «мозговых штурмов», начинает вмешиваться и предлагать свои варианты. Нервные родители нередко норовят заткнуть его по принципу «твой номер восемь – когда надо, тогда спросим», особенно, если ребенок «не догоняет» ритмы коллективной мысли, и предлагает откровенную ерунду. НИЗЗЯ!!!! В любом случае – найти две минуты, остановиться, попросить ребенка высказать внятно свое предложение. Если оно не годится (а оно наверняка на первых порах не годится), перечислить медленно факторы, которые не позволяют реализовать это предложение, обратить на них внимание ребенка, дождаться, чтобы он понял, в чем ошибка. Затраты времени, на самом деле, невелики. А пользы – очень, очень много.

Вот семья, путешествуя по Австрии, обсуждает, как попасть из Вены в циммер в Мондзее.

Рис.1: Как попасть из Вены в Мондзее

– Если ехать через Адмонт, то вряд ли успеем Госау до темноты... Но через Мельк лучше обратно, потому что все-таки самолет ждать не будет...

– А если ну его, этот Адмонт? Булкины туда не ездили.

– Во-первых, он все равно по дороге. Не ехать же дважды по хайвею! Это скучно. Во-вторых, самая большая монастырская библиотека мира!.. Булкиных это не интересует, а нас – да!

– То есть, там все равно дорога длинная такая до Мондзее?

– Ага...

– Мам, пап, а давайте поедем по хайвею до Мондзее, а если приедем рано, тогда уже в Адмонт и куда там еще?

– Петь. Посмотри на карту. Вот мы выезжаем из Вены, видишь. Можно ехать так вот, по хайвею с севера. Можно вот так, через Адмонт и горы с Юга. Но посмотри, насколько больше расстояние получается, если ты хочешь запихнуть в один день и то и другое! Так не получится, к сожалению, никак.

– А... Да... А что же делать?

– Сейчас прикинем... Я думаю, мы поедем через Адмонт, ну а если не получится Госау, то туда мы вернемся в другой день, это уже совсем не так далеко. Как вы думаете, так получится?

Что понял ребенок даже из вот этого о-очень короткого разговора:

– Чтобы выдвигать разумные предположения, нужно владеть полной информацией.

– Выбор решения зависит от ряда факторов, содержательных и организационных: время, расстояние, приоритеты.

– Разные факторы в разных обстоятельствах имеют разный вес (опоздание с на самолет не то же самое, что выход за пределы светового дня на дороге).

– Существуют разные варианты решения одной и той же задачи, и, возможно, единственного правильного не существует (Булкиных не интересует библиотека, и они выбрали маршрут без заезда в Адмонт)...

И так далее.

Возникают ли такие ситуации в домашней обстановке? Вполне, если их «замечать». Например, мама помогает старшей сестре сделать PowerPoint Presentation к ее докладу в университете:

– *Алиса, действие первое: реши, сколько тебе надо слайдов. Это зависит от времени доклада. Второе: распиши, что будет на каждом слайде.*

– *Пятнадцать. Расписывать заканчиваю. И третье, мам: у меня мало времени на подготовку, поэтому слайды пусть будут простыми. Не надо анимации, не надо звука, разве что единый какой-нибудь красивый стиль, чтобы уж не совсем черно-белое...*

– *Хорошо. Аудитория большая? Шрифты какие?*

– *Средние, но яркие! Там светло, если бледный цвет, то отсвечивает.*

– *Ну, это почти неважно... Давай, покажи... Так... Так... Вот тут не годится: абзац сплошного текста. Разбей, выдели пункты...*

– *Ммм... Это цитата... Ну ладно, можно показать по очереди первую фразу, потом вторую, потом третью? С паузой?*

– *Можно, да. ... Вот здесь перехода нет... Во всяком случае, я не понимаю, какая связь...*

– *Э-э-э, ну я собиралась это устно сказать... Но если ты считаешь, давай я еще слайд вставлю. Будет тогда 16, не много?*

– *На академический час? Многовато. Ты порепетируй, может, решишь что-то выкинуть...*

Что слышит присутствующий при этом ребенок школьного возраста:

– Необходимо планирование.

– Планирование учитывает массу факторов и предшествует действию.

– Даже мелочь (цвет шрифта) может все испортить.

– Мысль может и должна быть выражена четко и последовательно.

– Демонстрационный материал подкрепляет мысль, а не является самоцелью.

– Нужно выделять главное и искать разумный компромисс между качеством и трудозатратами, идеальной работы не бывает.

И так далее.

Все это постепенно формирует у ребенка представление о том, как это делается. А ребенок, знающий, как это делается, и является умным ребенком в наших глазах...

4. Самое вкусное: совместное с родителями участие в любой деятельности, требующей интеллектуального труда.

Те, кто подумал, что речь идет **о занятиях**, как обычно: ничего подобного.

Условием успешности подобной деятельности является то, что она **настоящая**: взрослый так же, как ребенок, впервые, «в прямом эфире», так сказать, решает некую сложную задачу. Задача должна быть **достаточно сложна** для этого. И при этом, ребенок должен быть способен на равных или почти на равных участвовать в этой деятельности.

Полезность такого способа «передачи опыта» трудно переоценить. В роли полноправного партнера ребенок моментально ощущает преимущества предлагаемых стратегий работы над задачей, но при этом может их уточнять и выбирать между ними, может использовать свои сильные стороны, удивлять и радовать взрослого найденными неожиданными решениями, свободно обсуждать свои и чужие ошибки – не опасаясь, что ему скажут *«ну что же ты, это же так просто»*, ведь задача **еще не решена**, она **никем** из присутствующих не решена, все равны и все в одинаковом положении.

Откуда брать такие задачи? – спросите вы. Ну посмотрите по сторонам. Не нужно только лениться их искать.

Иногда такие задачи можно обнаружить среди «продвинутых» домашних заданий ребенка.

Вот, чтобы далеко не ходить, не так давно моя младшая дочка получила задание по «природе и технологии»: сделать *макет шахты*. Половина ее класса начала что-то лепить из глины, другая половина задействовала ЛЕГО. Ребенка все это не вдохновляло: глины в доме нет, а ЛЕГО надоело. Ребенок пришел к нам, и мы уселись за ее задание вчетвером: она сама, моя старшая дочка-студентка, ее подруга и я.

В режиме брэйн-сторминга (мы придумали:

- изобразить ствол старинной шахты в пластиковой бутылке,
- фотографию отходящего штрека в качестве наклейки,
- шахтера-куколку с гвоздиком-молотком в руке,
- бусы-металл, набросанный между камней
- и подъемное устройство в виде цветных ниток, прикрепленных к шахтеру и ведру, и наматывающихся на продетую в горлышко зубочистку, как на колодезный ворот)

мы все вместе, на равных, активно обсуждая и споря, прошли все необходимые стадии коллективной творческой работы:

- Формирование и уточнение идеи (проектирование).
- Поиск необходимых материалов.
- Выработка плана действий и стратегии.
- Разбиение работы на подзадачи и распределение обязанностей.
- Объединение усилий на последующей стадии.
- Исправление ошибок, допущенных на стадии проектирования.

Ну согласитесь: такая деятельность знакома всем родителям. Если родители ведут себя в этой деятельности правильно – то есть, **участвуют** в ней, не выступая в пассивной роли «дополнительного экзаменатора», но при этом **не диктуют**, как надо выполнять работу, приняв заранее в одиночку все важные решения, – это самая полезная на свете обстановка для выращивания умного ребенка. Думать вместе, планировать вместе, спорить, искать решения, продумывать последовательность действий, радоваться неожиданным идеям.

Проблема в том, что такая деятельность попадает довольно редко. Как правило, школьные задания ничего подобного не предлагают. Поэтому у нас нет выхода: нужно искать «оранжереи», где она произрастает в изобилии.

Что интересно: эти «оранжереи» нужны только нам, недавно возникшей противоестественной прослойке, мало умеющей делать руками, зато много – головой. В простой жизни

«трудящихся руками» классов издавна принято втягивать в свою самую разумную деятельность детей одного с тобой пола: мастерить с отцом, рукодельничать с матерью. Никто и никогда не стал бы придумывать там для детей специальные учебные задания. Конечно же, там все происходило «по-настоящему», в прямом эфире, и отец прикидывал, скажем, размеры заготовок, необходимых для будущей табуретки, непосредственно рядом с сыном, у него на глазах...

Сколачиванию табуреток и вязанию носков мы до сих пор учим детей точно таким же образом. Фокус в том, что решению более сложных задач **тоже** нужно учить этим способом.

Но у нас нет с детьми реальных и достаточно сложных общих задач.

Иногда, когда жизнь нам такие задачи подбрасывает (вышеописанный макет шахты или прокладка маршрута в отпуске), нам удается правильно разыграть этого козырного туза. Если мы вспоминаем вовремя об этом и если получается. Но этого мало, и мы ищем «оранжереи». Например:

- **совместное разумное хобби**, авиамоделирование там, или фотография (мы с младшенькой-совсем-маленькой увлекались одно время микросъемкой);
- **переводы** (очень часто дети-билингвы могут оказать огромную помощь родителям-эмигрантам, я это использовала: я отвечаю за смысл, а ребенок – за стиль);
- наконец, **игры**.

Игры я использовала сама, всегда. Как ни смешно, даже карточные игры в домашней обстановке вполне годятся на роль оранжереи, правда, не на очень долгое время. Я помню, как меня «выращивали» на семейных вечерах с игрой в Джокер. Вполне разумная игра, на ее основе сделаны современные игры типа РаммиКуб. Ребенок должен начинать с того, что сидеть рядом с одним из игроков, слушать его объяснения и давать советы (и надо терпеть!).

Существует масса прекрасных и сложных «стратегических» настольных игр: «час пик», всякие там мостки с котами, зоопарки, «Каркассон», «монополия», и так далее. Из логических замечательной игрой мне кажется «Сет». Когда в такие игры играет с вами неопытный ребенок, нужно показывать ему **процесс ваших размышлений**, предлагать ему втянуться, делать ошибки самому и исправлять ваши.

Совершенно замечательным совместным интеллектуальным действием я считаю некоторые сетевые игры, только «медленные», не на время. Тут кому что нравится, мне нравятся игры типа «*выход из комнаты*», в этом разделе дальше есть целая статья о том, как и чем они полезны, если играть вместе с ребенком.

Я представляю, что сейчас началось в рядах «сетененавистников», дочитавших опрометчиво до этого места. Эти люди думают, что компьютер с интернетом и играми отбирает у них детей. Нет, ребята. Все не так. Просто время, которое вы проводите с ребенком, не имеет **качества**, в котором ребенок нуждается: возможности в реальном времени почесать мозги и проявить себя. Рядом с вами-унылыми, вами-морализаторами и вами-наставниками, когда вы подсовываете ребенку давно решенные вами задачки, и только ждете, когда же и на чем он лажанется, – рядом с вами он никогда не испытает настоящей мотивации к достижению и настоящей радости победы над собой. Один на один с компьютером – он **сам** это решил, и он решил это **первый**.

А вот если вы сядете рядом с ним, и будете вместе с ним яростно чесать в затылке, думая, как же соотносятся пять цифр с семью цветами и круговым замком, и зачем внутри раструба тромбона нарисован светящейся в темноте краской знак процента... Будете спорить, и экспериментировать, и обосновывать свои идеи, и выслушивать его... И он научит вас свежему взгляду (это наверняка!), а вот вы-то тут и научите его и исследованию задачи, и стратегиям, и накоплению информации, и методам логического мышления. А главное – он научится с огромным удо-

вольствием!!! Он будет не просто выпитывать – он будет буквально рвать у вас изо рта и из рук эти навыки, чтобы в следующий раз попробовать справиться самому.

Что мы упустили и недоделали?

Четыре обещанные ситуации я описала, а теперь, раз уж у нас зашла речь о **качестве общения**, я тут потопчусь еще немножко.

С недавнего времени в специальной литературе довольно часто акцентируется тема *«низкого качества времени, проведенного родителями с ребенком»*; это вовсе не я придумала использовать такой термин в данном контексте. Проблема, к сожалению, в том, что, как обычно в педагогических кампаниях, поговорить все горазды, но никто не понимает, о чем речь. Напоминаю самое начало данной статьи, самоцитата:

«Стереотипы родительской самооценки: принято напихивать в ребенка содержание.

Если мы не напихиваем в ребенка правильное содержание, мы считаем, что не занимаемся с ним.»

«Продвинутые» родители ахнули, и принялись густо унавоживать² время, проводимое с ребенком, очередными содержательными впрыскиваниями. Так вот, господа: речь не об этом. **Качество общения определяется его полезностью для дальнейшего развития ребенка.** То есть, это критерий не содержательный, а скорее инструментальный. Потому что для развития ребенку более всего нужно **уметь думать**. Об этом мы тоже договорились в самом начале статьи.

Так почему же, почему у умных родителей *иногда* получаются умные дети, а *иногда* – ээээ... не получаются? Более того, рискнем спросить даже: почему *у одних и тех же родителей* может получиться один ребенок – умный, а второй – ... не получиться таковым?

Те же люди. То же время уделяется каждому из детей. Но уделяется оно – **по-разному**. Ну я не знаю, почему. Может быть, за прошедшие между двумя детьми пять лет папа начитался про педагогику, и вместо того, чтобы просто жить рядом с сыном и получать удовольствие, как он делал с первым, начал активно «запихивать» в младшего «полезные знания». Может быть, наоборот, старшего помогала растить молодая бабушка, которая, в отличие от родителей, *умела придать качество* своему общению с внуком... А может быть, старшие-удачные дети росли в гораздо более спартанских условиях, и молодые родители просто не имели возможности оградить их от участия в решении массы своих реальных проблем, – а младших уже могли и оградили, на свою голову?

Жизнь многообразна. И уж совсем по-разному происходит общение с детьми в разных семьях. Каждый из нас оглядывается на себя. Хорошо беспечным родителям, у которых *«сами по себе, как трава»* выросли умные дети. Повезло: у них качественное общение получается естественно, о чем тут думать, к чему рефлексия?

Но те, кому повезло меньше, никогда не смогут понять, где «не получается».

Потому что, придирчиво оглядывая свою *антикварную лавку* в поисках ошибки, **ищут не то, что на самом деле имеет значение**. Ищут недостающую мебель и недоописанный исторический стиль.

Но на этих паркетных полах *как трава* не растет. Надо искать заваленную мусором и самолюбием *дверь в мастерскую*.

² Отсылка к шутке И. Ильфа «В квартире, густо унавоженной бытом, сами по себе выросли фикусы» («Записные книжки»)

Почему я не хочу консультировать? О практике избыточной диагностики и узкоспециальных консультаций

Мне часто предлагают «консультировать», даже в интернете. А я не хочу. Мне вообще не нравится эта нынешняя практика бесконечных «консультаций» ребенка (речь идет о ребенке *без* тяжелого и однозначного диагноза) с разными специалистами: один по левой ноздре, другой по правой, третий по переносице.

Вот случилась такая штука: имеется у нас ребенок мелкого возраста, и *что-то с ним определенно не так*. Как определяется это «*определенно*»? Да воспитатель в саду или учитель в школе жалуются. Жалуются воспитатель или учитель чрезвычайно размыто и однообразно. Классика:

- не успевает
- не сосредоточен
- мешает другим
- до сих пор не пишет
- до сих пор не читает
- до сих пор не считает
- не общается с детьми
- не умеет общаться с детьми (т.е., дерется)
- плохая речь
- слишком взрослая речь, дети его не понимают (это реальная жалоба на мою младшую дочь, честное слово).

И вообще:

- Сходили бы вы к психологу\неврологу, пусть его протестирует, а вас «проконсультирует».

Ребенка смотрит близлежащий психолог – родители получают заключение, где написано *все то же самое*, только терминами:

- не сосредоточен – **дефицит внимания**,
- не читает – **дислексия**,
- не общается — **аутичный спектр**...

Рекомендация: обследовать далее. Потому что: а чего делать-то? Никто не знает, чего делать. Все знают в основном, *как обследовать*. Чтобы потом, когда все наобследуются, вогнать ребенка (как вгоняют штырь в паз при сборке икеевской мебели, с усилием вдвоем) в какую-нибудь условно-подходящую категорию, и придумать ему или «дополнительные занятия» узкого типа – из тех, что найдутся в наличии, – или вообще «образовательную рамку» для таких (читай: «всяких разных») придурков ненормальных необычных детей.

Обследуем мы как? Начинается песня бесконечного похода по все более узким специалистам, каждый из которых «смотрит» на ребенка, как те слепые на слона: тот, что держится за хвост, говорит, что слон длинный и тонкий, тот, что за живот, – что слон круглый и большой, а тот, что за бивень – что слон твердый и острый на конце.

Спец по аутистам смотрит: вроде, не мой, но странный...

Тест на дислексию: вроде, что-то есть, но точно не скажем, справку можем дать, наверное...

Слух проверяем: а! Снижен на одно ухо! Давай его к нам, у нас льготы!!!

Невролог: ну да, дефицит внимания. Риталин хотите? Дам. А вообще по тесту судя, у вас у всех в семье дефицит внимания. Он что, не сидит совсем? Иногда сидит? Если интересно? Гм...

Когда все высказались и написали «заключения» – заключения могут противоречить одно другому на раз, – начинаем искать все-таки, кто бы деточку читать-писать научил. Тут каждый сидит, как Кашей на сундуке, на своем «подходе», великом и ужасном:

- у меня все учатся писать в танце!
- а у меня в процессе выпечки блинов!
- а я сделал специальные пособия, где читать можно телепатически через заряженную воду!

Ну утрирую, да. Будут не танцы и блины, а какие-нибудь «фонетические схемы» или «интонационное структурирование». И через 5—6 занятий легко может обнаружиться, что ничего не получается. *Вообще* ничего. Подход не работает. «И пошли они, солнцем палимы» (с)³ все вдаль и вдаль, к специалистам по другим подходам. «Консультироваться». А время-то идет.

Фразу «время идет» народ переводит для себя как «упускаем драгоценное время». Но я, вообще-то, имею в виду не совсем это. Точнее, не только это.

Представьте себе, что у вас не ребенок, а котенок. Милый такой, рыженький. Родился ваш котенок в мае. В конце июня пришел к вам в дом ба-альшой спец по кошачьим вопросам, взял в руки Рыжика вашего, и вдруг озабоченно так говорит:

- Слушайте, котенок-то чего-то это... Не *фурфыркает!*
- И *политурит* как-то слабовато...
- А? – обалдеваете вы.
- В этом возрасте уже должен *фурфыркать* хотя бы раз в час.
- И *политурит* тоже должен ярче, выразительней. Отстает в развитии ваш кот, покажите специалисту.
- Какому?
- Ну, не знаю... К *фурфырологу* можно, а также к общему *которerefлексологу*. А еще обязательно к *швуну*, они в *политурении* разберутся.
- И к *физиомирчателю*. Только поторопитесь, там очереди огромные.

И вот вы записываете кота к *швуну* на конец июля, к *физиомирчателю* – недели на три позже, к *фурфырологу* на сентябрь, к *которerefлексологу* – лучшему в стране! – аж на декабрь. И все они вас в свой срок **консультируют**, и пишут про вашего кота **заключения**.

С точки зрения *швуна*:

«Кот не *фурфыркает*, политурение согласно возрастной норме.»

Физиомирчателю утверждает, что

«*фурфырканье* „на подходе“ с незначительной задержкой из-за скрученного левого уха, а вот политурение слишком что-то *свечет*.»

Фурфыролог в сентябре никаких проблем с *фурфырканьем* уже не обнаружил, *политурение* не проверял, потому что

³ Некрасов Н. А., «Кому на Руси жить хорошо».

кот такого размера *политурить* уже не должен ни по каким нормативам, но сильно озабочен

узким спектром возрастного мява.

А в декабре *которефлексолог* утверждает, что

не надо заниматься ерундой, а надо тренировать левое ухо, иначе будет нарушен охотничий слух, а замечательное юношеское мявкание нужно всего лишь продвигать в хоровом коллективе.

У меня вопрос: что вы узнали про кота в результате всех этих *консультаций*?

Ничего вы не узнали. Потому что ваш кот... он все это время... **рос**.

Он менялся.

Родители, вы это понимаете, или вы этого не понимаете???

Кот растет быстро. А ребенок ваш – он **снаружи** растет медленно. Поэтому вам кажется, что в мае и в декабре это один и тот же ребенок. Но это ведь не так совсем. Ни в одной сфере, даже в самой проблемной и проваленной, ребенок **никогда не стоит на месте**, понимаете? Поэтому весь ваш набор консультаций никогда не даст вам полную картину происходящего: пока вы ходили ко всем вашим «консультантам», поезд ехал в город Житомир, и «во время пути собачка могла подрасти»⁴, и все ваши «консультанты» видят, строго говоря, **разных** детей. А этот ребенкин «рост» – он совершенно индивидуален. Ни один «специалист» в ныне существующей практике «разовых консультаций» не сможет вам никакой информации дать на эту тему, понимаете? Это может только тот, кто **наблюдает постоянно** этого ребенка – *в целом ребенка*, а не одну левую ноздрю.

К сожалению, при этом еще надо знать, «куда наблюдать». Для этого есть два пути. Первый я как раз пытаюсь, на сайте и в этой книжке, реализовать: научить родителей. Для умных родителей с высшим образованием это, как правило, вполне возможно. Второй путь: создание особой **службы «сопровождения родителей»**, которая могла бы не консультировать, а **вести** ребенка несколько лет подряд, отслеживая все сферы его развития одновременно со стороны родителей, а не системы.

Если бы меня было три, или в сутках было бы часов 100, я бы это развернула давно, у меня и сотрудники дома есть по всем направлениям. Мама моя – специалист по речи и коммуникациям, в том числе слабослышащие и аутичный спектр. Дочка старшая – свежий врач с первой степенью в нейропсихологии, возможно будет специализироваться в неврологии. Мы так все вместе младшую мою и растили, и хорошо управились – опыт есть.

Как я это себе представляю? Приходит родитель к нам с ребенком, у ребенка букет проблем. Знакомимся. Я говорю: давайте исключим или подтвердим то, то и то (*аутизм, психоравму, проверить зрение, слух...*). Сделали. Исключили. Подтвердили. Пришли назад. Все выложили на стол. Посетили «образовательную рамку». Оценили ситуацию в семье и что могут родители сами. Подумали. Прикинули и набросали, что срочно делать в ближайшие месяцы. Сменить ли рамку. Где нужен специалист и какой, где мама может дома сама заниматься, и программу прикинули, где что-то можем мы сами – уже как специалисты каждый в своей области. Начали. Контакт с семьей еженедельно. Через 2 мес встречаемся, проверяем. Новая установка. И так далее. Годами!

К сожалению, службы такого сопровождения нет, и роль «менеджера развития» играют сами родители. И тут уж как повезет: насколько ответственный родитель во-первых – разо-

⁴ С.Я.Маршак, «Багаж»

брался в предмете, а во-вторых – устойчив к постоянному давлению окружающих узких специалистов.

Преимущества постоянного квалифицированного наблюдения в том, что оно позволяет *«решить, за что тянуть»*. Чаще всего у ребенка «с проблемами» **проблема не одна**. Крайне редко бывают случаи, когда вот поставил аппарат слуховой на ухо – и все, проблема решена, ее не было. Обычно не так. Когда за такого «многопроблемного» ребенка хватаются консультанты, то каждый тянет в свою сторону с дикой силой: и то надо, и это, и третье, и тридцать третье...

Вот младшая моя дочка – глубоко недоношенная – когда маленькая была, ей *одновременно* рекомендовали:

- физиотерапию
- гидротерапию
- иппотерапию
- терапия деятельностью
- наблюдение эндокринолога
- наблюдение аудиолога
- занятия в спецгруппах для слабослышащих
- логопеда
- занятия по развитию речи
- арт-терапию
- физкультуру для детей с ДЦП⁵
- спецсад для ДЦП
- спецсад для слабослышащих
- спецсад для детей с задержкой речи —
-

У меня склероз, я половину забыла уже.

Ну и что, это возможно? Родитель неизбежно должен будет принимать болезненные решения: что выбрать? Специалисту проще, потому что специалист знает главное: все это и не нужно. Список надо просмотреть, соотнести с нынешним положением дел, часть выкинуть из головы, часть отложить про запас, и только часть попытаться организовать. Ту, которая **срочно**. Которая **именно сейчас**. Вот это-то и делает квалифицированный наблюдатель! Он знает, **за что надо потянуть** именно сейчас. Ребенок растет, он изменяется, он **развивается** сам. Не надо толкать-тащить его в тех местах, где оно «само» едет. Нужно увидеть те места, те находятся «узлы паутинки», которые именно сейчас за что-то зацепились, и за которые надо именно сейчас потянуть вверх, чтобы **вся конструкция** рванулась быстрее! И понятное дело, эти «узелки» все время переползают с места на место. Может быть, только чуточку реже, чем у кота.

А поскольку я люблю работу свою делать осмысленно, я разовых консультаций не люблю. И не хочу ими заниматься. И без меня хватает пасущихся на этой ниве.

⁵ Здесь и далее: ДЦП или СР или СиПИ – Детский Церебральный Паралич, англ.: Cerebral Palsy

Микропоражения мозга и учебные трудности Как распознать проблемы обучения неврологической природы, и как с ними работать

Все люди рождаются с минимальными повреждениями мозга, просто от процесса родов или операции. Микротравмы, мелкие кровеносные сосудики в оболочках лопаются, или, наоборот, пуповина не доставляет нужное количество крови – будет гипоксия. Получается органическое поражение мозга в микроскопической степени: микрокиста. Опытный неонатолог-невропатолог отметит её при осмотре, объяснит, что это не страшно, назначит массаж. Многие рассасываются со временем сами, но не все.

Так вот, с такими микропроблемами рождается такой процент младенцев, что считаю для простоты, что все. Сложно организованная система нейронов, очень уязвимое мозговое вещество... Естественные роды с их сдавливанием, или кесарево с его внезапностью, – колоссальная нагрузка, практически нет шансов сохранить все нейроны до единого. Мне напомнили тут, кстати, про наследственность на эту тему, и тоже нельзя сбрасывать со счетов. Врачи соответствующего профиля ответственно сообщают: Некоторое количество мелких кист есть у всех. У всех!

И микроскопические кисты так же микроскопически влияют. Но все-таки влияют. Чистый жребий – куда попадет. Не верите? Покопайтесь в себе, и вы наверняка вспомните, где лично у вас эта «дырочка». Вот у меня, к примеру, дырка в комбинаторике. Те вещи, которые надо решать перебором сложных разветвляющихся комбинаций, для меня вообще закрыты, например, шахматы. Вещи менее сложные требуют подпорок, психологических орудий в виде схем, опорных записей, каковы орудия я вырабатывала в течение жизни, совершенствуя и оттачивая интеллект в изобретении этих подпорок для себя самой. А есть люди, которым ничего этого не нужно! У них прямая дорога через нейроны там, где у меня «дырка».

У везучих дырка может оказаться в таком месте, что они за всю жизнь так и не узнают, что она существует. Например, у моего мужа нет чувства ритма, он стихотворную строчку не может правильно произнести. Но если бы он на мне не женился, он бы никогда этого не узнал, зачем ему чувство ритма? Или фонематический слух. У меня его нет, поэтому мне трудно даются языки. Я выяснила это, еще когда работала практически логопедом, и сочла профнепригодностью. А потом репатрировалась, и до сих пор пугаю своим ивритом соотечественников. Но! Если бы моя жизнь сложилась иначе, и я бы, например, стала программистом после Политехнического института, а потом никуда бы не уезжала из недр своего родного языка, – я бы так никогда и не узнала бы, что фонематического слуха у меня нет, что там дырка.

В общем, тут мы имеем дело с некритичной минимальной дисфункцией, а бывает критичная, можно сказать, судьбоносная. И дело не в размере поражения. Поражение может быть крохотным, но на очень неудобном месте. Именно это происходит сейчас с **дислексиками**⁶ и страдающими **дис-** и **а-калькулиями**⁷.

Наша цивилизация начинает приведение ребенка в надлежащий взрослому человеку интеллектуальный вид с научения навыкам, для которых неспособность распознавать текст или отсутствие понимания смысла чисел является настоящей драмой. Имея огромную дыру в какой-нибудь области **музыкального слуха**, или **мертвую зону сохранения равновесия**

⁶ Дислексия – избирательное нарушение способности к овладению навыком чтения и письма при сохранении общей способности к обучению.

⁷ Дискалькулия – неспособность к изучению арифметики. Акалькулия – нейропсихологический симптом, проявляющийся в нарушении счета и счетных операций по причине поражения разных участков коры головного мозга.

на неровной или движущейся поверхности, ребенок легко может быть первым учеником и солнышком любого масштаба. Главное для такого ребенка: в первом случае не петь громче соседа на уроке музыки, во втором – не лазить в горы и не пытаться стать капитаном яхты.

Однако ребенок с малюсенькой *дыркой*, например, на том месте, где в норме развивается некая тонкая нервная связь, обеспечивающая **понимание природы числа и соотношение абстрактного счета с реальностью**, рискует уже в первом классе школы, в 6-7-летнем возрасте, стать клиентом многочисленных психологов и неврологов, с прицелом отправиться в какие-нибудь там «рамки специального обучения». Если же – а так бывает очень и очень часто – такое неврологическое поражение у него не единственное, а имеет он, дополнительно или в первую очередь, минимальную мозговую дисфункцию по типу сакраментального СДВГ⁸, и не имеет достаточно нервной энергии, чтобы удержать себя самого концентрированным на учебной деятельности...

Я тут сама себя перебыю, потому что я как раз недавно объясняла про СДВГ, то есть Attention Deficit Hyperactivity Disorder. Что оно называется ровно противоположно тому, чем является на самом деле. Начнем от царя Гороха, то есть, от Ивана Петровича Павлова. Мы со школы помним, как завещал нам великий Павлов: есть нервный импульс – есть движение (например, руки), нет импульса – нет движения. Однако наука-то уж давно смотрит на это ровно наоборот. По всем нервным каналам новорожденного ребенка распространяется бесчисленное количество хаотически продуцируемых нервных импульсов. Видели бессмысленные движения новорожденных? Это случайные флюктуации общего хаотического фона непрерывных нервных сигналов. Произвольное движение – это **вытормаживание** большей части нервных сигналов, и оставление только тех из них, которые нужны для выполнения задуманного действия. Если все это осознать, то становится понятно, что происходит с гиперактивными детьми: им **не хватает нервной энергии** для вытормаживания ненужных импульсов, то есть, для обеспечения сосредоточения. Именно поэтому отлично себя зарекомендовавший и широко применяемый в США, в Западной Европе и в Израиле препарат *риталин*⁹ является не успокаивающим, а возбуждающим средством: с его помощью ребенок становится способен изыскать в себе нужную нервную энергию.

Так я вернусь к *дислексиям* и *дискалькулиям*. Я хотела сказать, что если общая дисфункция нервной системы по типу гиперактивности сочетается с «неудобным» микроорганическим поражением, у ребенка почти нет шансов удержаться в обычных рамках обучения. Но даже если гиперактивности нет. Повезло. А ребенок, просидев два года в первом классе, все равно не понимает, почему если у Маши было 10 конфет, и она съела из них четыре, то выяснить, сколько осталось, можно, если **отнять** от десяти четыре.

И это еще ничего, я видела детей, которые никак не могли запомнить, что больше – пять или шесть. Или на вопрос, сколько получится, если добавить к трем четыре, легко отвечают «два», и никакого неудобства этот ответ в них не возбуждает.

Что делают в этом случае средне-приличные родители? Ужасаясь и плача по ночам, что в семье завелся такой выродок, они начинают с ребенком *«плотно заниматься»*. Что это означает? На практике – они берут школьный учебник... И месяцами, если не годами, долбят ребенку те же самые задачи про Машу и конфеты. Дети не понимают. Дети не понимают неделями. Несчастливые дети развивают сверхчувствительность к интонациям садистов-родите-

⁸ СДВГ (ADHD) – Синдром Дефицита Внимания с Гиперактивностью.

⁹ **Метилфенидат** лекарственное средство из группы психостимуляторов. В России запрещен. Я считаю, что это неправильно и глупо.

лей, они по шмыгу носа мамы могут распознать, нужно сказать «прибавить» или «отнять». Но они все равно не понимают, *почему*, собственно.

А между тем, приведенная в пример дискалькулия – это работа для специалиста, причем, как правило, ненадолго. Если у ребенка нет **понимания числа**, если дырка на этом месте не дала развиваться естественному **ощущению связи счета и жизни**, как произошло у остальных детей, то надо сделать то, что мы делаем в реальной жизни, когда перед нами яма, и мы не можем ее перепрыгнуть. Что мы делаем? Используя **сохранные** нервные связи головного мозга, на выбор по ситуации: либо мы **строим мост**, либо мы ищем **обходной путь**. А иногда и то, и другое, для удобства и надежности.

А поскольку «яма» уникальна у каждого «органика», то метод не тиражируется: работать должен специалист, который понимает, грубо говоря, *«как оно ездит»*, то есть, умеет **разворачивать мыслительные схемы** маленького ребенка. О схемах я скажу еще потом, отдельно.

Конкретизируя снова к **дискалькулии**, что делает такой специалист? Он не натаскивает ребенка решать задачи. Простые задачи тут идут как проверочный материал. Нужно нащупать, каким образом **донести** до ребенка природу числа и количества. Как **обходные пути**, идут в ход самые разные «представления» количества: зрительные и слуховые, моторные, ситуативно-бытовые, сначала забавные – разные сравнения очевидно количественно отличающихся объектов (жирафы с ромашками, скажем), потом все абстрактнее, все ближе и ближе к отвлеченному числу. Как **мостики** – ребенку оказывается помощь в выработке его собственных психологических орудий, каких-то схем, аналогий, которые потом он сможет использовать для тех же целей в обычной учебе.

Если все получилось идеально (у меня была пара таких случаев), то спустя пару месяцев ребенок будет отличаться от сверстников разве что более медленным темпом выполнения заданий. И в любом случае, если трудности ушли хотя бы частично, значит, направление нащупано, и дальше все уладится либо при помощи дополнительной коррекции, либо естественным путем. Потому что «органики», как правило, сами мастера строить себе обходные дорожки. И часто им достаточно только подсказать.

Законно спросить: что, **всегда** можно научить ребенка считать?

На этом месте я хотела бы вернуться к затронутому вопросу о разворачивании схем, и пояснить, что я имела в виду. Вот сидит перед ребенком мамаша, окончившая мехмат университета, и пытается решить с ним задачу про Машу и конфеты. Мы имеем двух баранов в поле зрения тут. Ребенок сидит маленьким бараном, потому что он не понимает, как решать задачу. А его мать сидит большим бараном, потому что она не понимает, **что тут можно не понимать**. Она такую прорву лет назад и так незаметно для себя, не имевшей органической «дырки» на этом месте, связала поедание конфет с математическим действием вычитания, что или никогда не ощущала, или уже давным-давно забыла, что это действие **не монолитно**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.